

Д.А. Ермоленко,
кандидат юридических наук, доцент
(Классический приватный университет
(г. Запорожье, Украина),
Институт права имени Владимира Сташиса)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье аргументируется необходимость создания современной интегративной концепции правового сознания молодежи. Делается попытка выделить основные положения такой концепции на основании анализа существующих подходов к правосознанию молодежи.

Ключевые слова: правовое сознание, общественное правосознание, правосознание молодежи, социализация.

In the article the article argues for the necessity of creation of a modern integrative concept of legal consciousness of the youth. Attempts to identify the main provisions of this concept on the basis of the analysis of existing approaches to knowledge of the law of the youth.

Key words: legal consciousness, legal conscience, legal awareness of youth socialization.

Правосознание как духовно-ценностный феномен, является отображением правовой зрелости субъектов права. Отражение в сознании людей правозначимых сторон действительности и психическая регуляция своего поведения, являющиеся важными сторонами правосознания, всегда зависят от внутреннего духовного опыта. Поэтому, как справедливо указывает Н.Л. Гранат, не каждый человек, находящийся на каком-либо уровне умственного и духовного развития, может правильно судить о понятии и сущности права [1, С. 382]. Аналогичную точку зрения высказывает и В.В. Сорокин, настаивающий на том, что зрелость правосознания во многом зависит от зрелости самих субъектов правовой деятельности [2, С. 321]. В этом отношении особый интерес вызывает исследование правового сознания молодежи. Данная категория принадлежит к особым субъектам группового правосознания и характеризуется внутренней неоднородностью состава, особенностями социализации, особенностями социального положения, сложным возрастным критерием, определяющим принадлежность к группе.

Ознакомление со всем спектром подходов к определению правосознания молодежи позволяет выделить те компоненты, которые должно включать в себя *интегративное правовое определение*. Иными словами, назрела необходимость создания новой современной *интегративной концепции правосознания молодежи*, которая отвечала бы реалиям XXI века. Основными положениями этой концепции, на наш взгляд, должны стать следующие:

1. *Правосознание молодежи – составная часть общественного правосознания.* Правосознание молодежи как разновидность группового правосознания является совокупностью характерных признаков общественного правосознания, свойственных молодежи как специфической социально-демографической группе. Правосознание молодежи – это структурный компонент субъективной структуры общественного правосознания и в этом смысле полностью однородное с ней явление. Правосознание молодежи, отмечает Г.Р. Ишкильдина, может рассматриваться как отдельный случай (форма существования) общественного правосознания, специфика которого связа-

на с субъектом-носителем [3, С. 53]. То есть ключом для познания правосознания молодежи является диалектика целого и части. Не поняв общества, в котором живет молодежь, не исследовав особенности общественного правосознания, невозможно понять особенности правосознания молодежи и его специфические проблемы. И наоборот – не поняв правосознания молодежи отдельного общества, невозможно постигнуть все его общие противоречия и проблемы. Проблемы правосознания молодежи являются проблемами общества в целом, общественными проблемами. И наоборот – общественные проблемы, во многом, начинаются с молодежи и уже поэтому являются молодежными. Именно поэтому можно согласиться с Э.К. Джамаловой в том, что исследования правосознания молодежи вне общества в целом являются абстрактными и неполными [4, С. 96].

2. *Правосознание молодежи отражает особенности индивидуального правосознания молодого человека*, поскольку по критерию качественной содержательности правосознание всегда индивидуально. То есть правосознание молодежи неотъемлемо не только от общественного, но и от индивидуального правосознания молодых людей. Так, И.А. Омельчук утверждает, что правосознание молодежи является «интегративным стойким личностным (курсив наш – Д.Е.)образованием, включающим знание прав и свобод человека, готовность пользоваться правами и защищать их правовыми средствами в случае нарушения» [5, С. 35]. В то же время, индивидуальное правосознание – это результат социализации молодого человека и усвоения им группового и общественного правосознания, опосредованного с учетом собственного опыта. Именно коллективные формы сознания и личный опыт человека создают основу восприятия правовой действительности каждой личностью. Следовательно, можно согласиться с Э.В. Кузнецовым в том, что индивидуальное правосознание отображает общественные условия жизни конкретной личности, правовые отношения, в которых она при-

нимает участие и носителем которых она выступает. Индивидуальное правосознание как сознание, которое не изолировано от общества, всегда так или иначе охватывается общественным сознанием и в этом смысле не может быть «абсолютно индивидуальным» [6, С. 35].

В свою очередь, на индивидуальное правосознание молодого человека наиболее существенное влияние оказывают его личные моральные качества и обстоятельства его жизнедеятельности. Мир правовых явлений, отражаемый индивидуальным правосознанием, достаточно специфичен, он охватывает самовосприятие, место, занимаемое личностью в структуре социальных и межличностных связей, степень удовлетворенности ее интересов, качество ее жизни, жизненный опыт, возможности реализации своего творческого потенциала. Ценностные характеристики правовых явлений определяются личностью таковыми не автоматически, а при необходимости участия в оценочном процессе всех этих факторов. На активной роли личности в процессе усвоения правовых знаний настаивает И.Ю. Гревцов. Судьбу внешнего влияния, его действенность в конце концов определяет сам человек. Но делать это он может по-разному. В одном случае человек их просто не замечает; в другом, строя линию своего поведения, «вписывает» в нее внешние стимулы, но совсем не механически; наконец, он может бездумно подчиняться такому влиянию, «растворяя» в нем свою собственную личность [7, С. 71].

3. *Правосознание молодежи – это разнообразность группового правосознания*. Особенности группового правосознания, по мнению А.А. Потякина, объясняются рядом факторов. Первый из них заключается в том, что в любой общности складываются собственные нормативные ценности, которые прежде всего влияют на оценки членами группы сложившейся юридической системы. Второй фактор – это расхождение интересов социально-демографических групп, связанные с неадекватностью их положения в социальной структуре и, таким образом, с разным отношением к собственности, системе распределения, к

власти в целом, к общественному устройству и нормам, которые его определяют, закрепляют, регулируют [8, С. 347]. Характерными для молодежи как особого субъекта-носителя правосознания, по мнению З.Н. Каландаришвили, являются: круг урегулированных нормами права и требующих такого регулирования общественных отношений, в сферу которых входит молодой человек; объем характерных для молодежи общесоциальных, правовых знаний и опыта; психофизические и социально-психологические особенности молодых людей [9, С. 50].

На наш взгляд, можно согласиться с тем, что у молодежи есть свои, определенные возрастом и процессом социализации проблемы, которые являются специфичными для правосознания особого субъекта-носителя – молодежи и, таким образом, несвойственными для субъектов правосознания иных групп. Классификацию проблем молодежи можно проводить по различным основаниям: по территориальному признаку можно выделить молодежные проблемы, свойственные отдельным регионам, и проблемы, присущие отдельной стране; по времени можно выделить так называемые «вечные» проблемы и проблемы, рожденные отдельной эпохой [10]; по значению – национальные и глобальные проблемы молодежи.

Среди глобальных проблем, влияющих на правосознание молодежи, можно выделить следующие:

Круг общественных отношений, в которых участвует молодежь. Причем это могут быть как общественные отношения, урегулированные нормами права (т.е. правовые отношения), так и общественные отношения, требующие такого урегулирования. Можно выделить следующие важные события, происходящие в жизни каждого человека именно в молодежном возрасте: окончание общеобразовательной школы, а соответственно, и связанный с этим выбор учебного заведения и получение необходимой специальности, начало трудовой деятельности, женитьба, рождение детей, прохождение воинской службы и т.д. Из всех возрастных групп населения

указанные проблемы более всего волнуют именно молодежь.

Проблемы самоидентификации молодежи, с которыми тесно связаны *проблемы интеграции молодежи в социальные связи.* Молодость – это тот период, когда человек решает не только проблему своих жизненных планов, но и проблему морального и духовного самоопределения. Молодежь объективно находится в положении объекта социализации, которая осуществляется путем обучения и воспитания. Этот процесс проводят так называемые «взрослые», которые господствуют в обществе и могут навязывать свою волю другим возрастным группам (детям, молодежи, старикам). Это приводит к тому, что в обществе большинство молодых людей не имеют личной самостоятельности в принятии решений, касающихся их жизни. Поэтому, как утверждает И.М. Ильинский, специфика правосознания молодежи состоит в том, что в ней существуют такие понятия, которые обычно не свойственны «взрослому» человеку: «второстепенность», «подсобность», «неполноценность» [11, С. 401].

Из этого следует еще одна проблема «на все времена» – «*проблема отцов и детей*». По мнению специалистов, система взглядов и представлений у человека сохраняется примерно 30 лет, то есть время наиболее активного периода жизни каждого поколения. Отличия между разными поколениями могут носить умеренный, спокойный характер, а могут быть достаточно конфликтными. Именно поэтому столкновение поколений, носящее характер противостояния разных систем ценностей, называют «конфликт поколений». Актуальность этой проблемы связана как с новейшей историей практически всех постсоветских государств, так и с нашим общим советским прошлым. Воспитание «родителей» (родителей нынешней молодежи) происходило в СССР, а воспитание и социализация «детей» (современной молодежи) пришлось на времена независимости постсоветских стран. Таким образом, противоречия между правосознанием «отцов» и правосознанием «детей» проявляются в ценностных ориентациях – в ис-

ходных мотивациях мировоззрения в целом. Мировоззренческие ориентации советского человека основывались на приоритете коллективных идеологически ангажированных ценностей. «Экономического человека» как такового не существовало, был «идеологический человек». Современная молодежь уже ориентирована на ценности «экономического человека», на принципы рыночной экономики, в условиях которой молодежь социализируется. То есть формируется противоречие между социализацией молодого человека в обществе и его воспитанием родителями, которые сознательно воспринимают новую реальность, но стереотипно находятся в советском прошлом. Результатом этого, по мнению А.А. Айвазяна и К.М. Ольховникова, является постоянная «ценностно-ориентационная двойственность» в правосознании молодежи [12, С. 55].

Социально-экономические проблемы молодежи (сложное материальное положение, отсутствие стартовых возможностей, собственного жилья, маленькая зарплата и т.д.). В любом обществе большая часть молодежи не принимает участия в процессе производства, а потому и не принимает участия в процессе распределения продуктов этого производства, то есть находится в положении своего рода «иждивенцев». Именно поэтому, как справедливо считает Э.К. Джамалова, острота социально-экономических проблем молодежи всегда намного выше, чем у «взрослой» части населения [4, С. 97].

4. *Правосознание молодежи носит конкретно-исторический характер*, то есть количество определений понятия «правосознание молодежи», как отмечает Э.К. Джамалова, может соответствовать количеству конкретных обществ. Каждое из них основывается на общем определении правосознания молодежи, но одновременно служит базой для его конкретизации [4, С. 97]. Большинство исследователей соглашаются с тем, что правосознание молодежи – продукт истории и определенной культуры, а также одновременно их движущая сила, фактор изменений, социальная ценность [4, С. 99]. Таким образом,

правосознание молодежи в конкретный исторический момент определяется ее социальным и экономическим положением. Влияние факторов, определяющих специфику правосознания молодежи, может рассматриваться только на фоне общесоциальных факторов, детерминирующих его становление. Среди них можно выделить: уровень развития экономики и культуры, демографическую ситуацию, состояние образования, деятельность правоохранительных органов и прочее.

5. Особенность правосознания молодежи прямо связана с особенностью самой молодежи, которая в любом обществе выступает *одновременно субъектом и объектом социализации*. Роль молодежи как субъекта и объекта в историческом процессе развития достаточно специфична. С точки зрения механизма социализации молодежи, сначала молодой человек, вступающий в жизнь, является объектом влияния социальных условий, семьи, друзей, институтов образования, а потом, в процессе взросления и перехода от детства к юношеству, учится и начинает сам создавать мир, то есть становится субъектом всех социально-экономических, политических и общественных (в том числе правовых) преобразований.

Основная проблема состоит в том, что сейчас в большинстве стран мира правосознание молодежи воспринимается как правосознание объекта, тогда как, по нашему мнению, государство и общество должны воспринимать правосознание молодежи, прежде всего, как *правосознание субъекта*.

6. *Формирование правосознания молодежи является результатом правовой социализации молодежи*. Термин «правовая социализация» начал использоваться в 60-х годах XX века. Одним из наиболее известных исследователей этого феномена стал французский социолог Ж. Карбонье, который обратил внимание на социальность правовых явлений и особенно подчеркивал разницу между правовыми нормами и обычаями, другими нормативными системами [13, С. 105]. А.И. Иванчук справедливо считает, что термин «правовая социализация» происходит от родового по-

нятия «социализация», является его неотъемлемой составляющей и представляет собой процесс, в ходе которого индивид приобретает определенные правовые знания и приобщается к правовой культуре общества. При этом, замечает автор, под «приобщением к правовой культуре общества» понимается адаптационный процесс «включения» человека в социальную структуру, восприятие им правовых норм и ценностей, накопленных в обществе [14, С. 111-112].

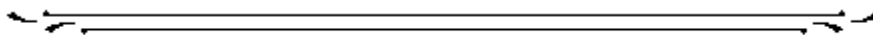
7. *Правосознание молодежи носит несформированный характер.* Молодежи, как особой социально-демографической группе, свойственны резкие физиологические и психические изменения при переходе от одной возрастной группы к другой, системные качественные преобразования в сфере сознания, деятельности и социальных отношений. Именно поэтому в правосознании молодежи можно выделить проявления синкретизма и эклектики, характеризующие смещение правовых чувств, эмоций, знаний и проявляющиеся в отсутствии целостного развитого правосознания. В юридической литературе закрепился термин «*правовой инфантилизм*» (от лат. *Infantilis* – «детский, отсталость развития»), который означает недостаточную сформированность правовых взглядов,

знаний, установок, представлений [15, С. 83]. Учитывая недостаточный жизненный опыт молодых людей и недостаточность осознания ими правовых ценностей, затрудняющие правовые ориентации в реалиях правовой действительности, на наш взгляд, именно молодежь выступает основной социальной группой, в которой проявляется правовой инфантилизм. Тому причиной сразу несколько факторов: 1) молодые люди находятся на таком уровне развития, когда формирование их личностных качеств еще не закончилось, усвоение ими правовых норм, идей и формирование соответствующих убеждений продолжается; 2) на состояние правосознания молодого человека существенно влияют как правосознание родителей, так и правосознание ровесников, которое также не всегда сформировано; 3) многие молодые люди не могут точно оценить социальное значение права и закона, а потому используют в своем поведении преимущественно нравственные категории «хорошо» и «плохо», что также существенно влияет на правосознание; 4) молодые люди не всегда могут правильно использовать на практике свои правовые знания, что может привести к совершению ими противоправных поступков [16, С. 47].

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая теории государства и права. Академический курс в 2-х томах/ под ред. проф. Н.М. Марченко. Том 2. Теория права. М.: Зерцало, 1998. 656 с.
2. Сорокин В.В. Концепция эволюционного преобразования правовых систем в переходный период. Барнаул, 2002. 542 с.
3. Ишкильдина Г.Р. Правосознание молодежи: проблемы становления и эволюции в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Казань, 2002. 164 с.
4. Джамалова Э.К. Историко-правовой анализ основ формирования правосознания молодежи: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.01. Махачкала, 2005. 199 с.
5. Омельчук І.А. Правосвідомість молоді у сфері прав і свобод людини // Вісник Львівського університету. 2004. Вип. 39. С. 25-41.
6. Кузнецов Э.В. О роли теоретико-правовых знаний в формировании профессионального правосознания // Вопросы политической работы в органах внутренних дел в современных условиях. Л., 1985. С. 139-147.
7. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб.: Знание, 1996. 263 с.
8. Потякин А.А. Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания // Общество и политика: современные исследования, поиск концепций. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 342-360.

9. Каландаришвили З.Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2004. 202 с.
10. Морозова Г.В. Социально-экономический потенциал молодежи в условиях многоукладной экономики: автореф. дис. ... доктора эконом. наук: 08.00.05. СПб.: 1995. 35 с.
11. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика // [Философия. История. Теория] – М. : Голос, 2001. 694 с.
12. Айвазян А.А., Ольховников К.М. Политическая социализация современной российской молодежи и западные представления о гражданственности и экстремизме // Актуальные проблемы социологии молодежи / под общей ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2010. С. 50-58.
13. Карбонье Ж. Юридическая социология; пер. и вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1986. 350 с.
14. Иванчак А.И. Правовая социализация личности. (К вопросу об исследовании понятия // Герценовские чтения 1998. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1998 . С. 111-112.
15. Баранов П.П. Профессиональное правосознание сотрудников ОВД. Теоретические проблемы. М., 1991. 139 с.
16. Петров В.Р. Деформация правосознания граждан России (Проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2000. 222 с.

И.А. Кибак,
кандидат психологических наук, доцент
(Академия МВД Республики Беларусь)

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается применение современных информационных психотехнологий в законодательной деятельности. Раскрывается парламентская психолого-правовая информация, предназначенная для субъектов права законодательной деятельности (депутатов) при подготовке и принятии законопроекта. Показано, что компьютер, телекоммуникационные и сетевые средства существенно изменяют способы освоения и усвоения психолого-законодательской информации, открывают новые возможности для интеграции различных действий в законодательстве. Описывается назначение и организация справочной психолого-информационной службы при решении задач законодательства. Обозначены психолого-правовые перспективы использования современных информационных и компьютерных психотехнологий в парламентской (законодательской) деятельности и пути повышения ее эффективности.

Ключевые слова: информационные психотехнологии, психолого-правовая информация, законодательная деятельность, депутат.

The application of modern information psychotechnologies in lawmaking is analyzed. Parliamentary psychological and legal information intended for the subjects of legislative activity (deputies) during the preparation and adoption of the draft law is disclosed. It is shown that computer, tele- and network communications significantly change the way of the development and adoption of psychological and legislative information, opening new opportunities for the integration of various activities in law. The purpose and organization of psychological and information service in solving problems of lawmaking are described. Psychological and legal perspectives of usage of modern information and computer psychotechnologies in parliamentary (legislative) activity and ways to improve its efficiency are marked.

Keywords: information psychotechnologies, psycho-legal information, law-making, application, deputy.

В современных условиях информационного общества все субъекты права (депутаты), обеспечивающие законодательский процесс, нуждаются в получении объективной, достоверной, ясной и полной информации о качестве законопроектов. Помимо этого, они должны ясно видеть, какие существуют в законопроектах психологические ошибки, коллизии, пробелы и противоречия, какие законопроекты явно лоббируют интересы бизнеса, криминала,

какие не соответствуют требованиям, предъявляемым к юридической технике в сфере законодательства. Такая информация необходима субъектам права (депутатам), участникам законодательского процесса для того, чтобы, основываясь на научно обоснованных прогнозах, внести соответствующие изменения и дополнения в законы, привести их в соответствие с действующим законодательством и междуна-

родными стандартами в области прав и свобод человека и гражданина.

Информационные технологии в современном мире — явление психосоциальное, пронизывающее все сферы жизнедеятельности общества. Информационные технологии являются одними из наиболее высокоэффективных, непосредственно обуславливающих интеллектуализацию общества (информационные технологии в науке, законотворчестве и образовании, информационное моделирование и прогнозирование, креативные информационные технологии в восприятии и визуализации и т. п.). Ведущей особенностью современных информационных технологий, во многом определившей возможность перехода от индустриального к информационному обществу, является их интерактивный характер. Интеграция акмеолого-педагогических, законотворческих и информационных технологий осуществляется посредством развития педагогической информатики (мультимедийные презентации, электронные программно-методические комплексы, например «Проект НПА», автоматизированная система подготовки законопроектов), новых креативных технологий (интенсивное парламентское обучение депутатов, развитие специальных способностей) и технологий самообразования (дистанционное образование взрослых, Web-обучение и т. п.). Дело не только в том, что сегодня мир не представляется без все большей интенсификации информационных потоков: значимое влияние информационных компонентов на социум в целом и на процессы социализации в частности стало возможным лишь с момента их качественного изменения, именно с появлением для пользователей (субъектов права (депутатов), участников законотворческого процесса) информации возможности активно участвовать в информационных потоках. В силу этого информация как ценность общества нового типа определена не только и не столько своей массовостью или общедоступностью, экономическим или политическим потенциалом, сколько возможностью персонализации, определяя для ее обладателя новые

границы самоидентификации (посредством Интернета) [2, С. 260].

Применение информационных и компьютерных технологий в законотворчестве стало естественным условием его дальнейшего развития. Кроме того, компьютер, телекоммуникационные и сетевые средства существенно изменяют способы освоения и усвоения законотворческой информации, открывают новые возможности для интеграции различных действий, тем самым способствуя достижению социально значимых и актуальных в современный период развития общества целей законотворчества. В этой связи эволюция процессов взаимопроникновения информатики в законотворчество и законотворчества в информатику привела к появлению нового научно-практического направления — информатизации психологии законотворчества. Информатизация психологии законотворчества представляет собой сочетание законотворчества и информатизации, охватывая проблемы применения и внедрения психолого-информационных технологий в законотворчестве, а также развитие законотворчества в области применения этих технологий. Информационные технологии законотворчества определяют как совокупность электронных средств и способов их функционирования, используемых для реализации законотворческой деятельности.

Современная психотехнология законотворчества, в том числе законодательная техника, немыслима без применения информационных технологий, так как объектом и продуктом деятельности субъектов права (депутатов), участников законотворческого процесса является психолого-правовая информация (законопроекты). Применение информационных технологий в нормотворческой деятельности МВД России отражено в научной работе Н.Н. Карташова [4, С. 15–16]. Психолого-правовая информация включает любые зафиксированные общепринятыми средствами целостные в смысловом отношении записи (официальные документы, авторские произведения, сообщения СМИ и др.), прямо или косвенно способствующие

правопониманию или влияющие на законодотворчество и правоприменение. К основным типам правовой информации относятся: национальные НПА; акты международных организаций, соглашения субъектов международного права в переводах, международные обычаи; нормативно-технические материалы (стандарты, классификаторы, технические условия, своды правил, регламент, устав); обобщенные формы практики правоприменения; образцы деловых бумаг; юридические словари определений, толковые и энциклопедические; комментарии законодательства, проблемные, популярные, аналитические и научные работы и учебные материалы по правовым вопросам; документооборот, обеспечивающий процесс нормотворчества (включая проекты законов и иных НПА) и иные материалы.

Парламентской психологической информацией депутату надо владеть и предпринимчиво использовать ее и в законодотворчестве, и в деятельности каждого субъекта права (депутата), участника законодотворческого процесса. Владея достоверной информацией о законопроекте, можно упреждать, например, рост недовольства людей, психического беспокойства, эмоционального возбуждения и др. К психологической информации относятся: материалы рецензирования законопроектов научно-исследовательскими и психологическими учреждениями; отзывы, экспертизы и заключения со стороны психологов; аналитические данные психолого-социологических исследований об эффективности действия законов; обзор предложений ученых-психологов, иных лиц по совершенствованию, изменению нормативного психолого-правового регулирования в сфере предмета проектируемого закона; передового зарубежного психолого-законодотворческого опыта; анализ общепризнанных норм и психологических принципов международного права, действующих в сфере предмета проектируемого закона; прогноз возможных психологических последствий применения проектируемых норм [3, С. 195]. Сбор психолого-законодотворческой информации и ее досто-

верность зависят от профессионально-психологической подготовленности субъектов права (депутатов), участников законодотворческого процесса, использования помощи парламентских психологов, применения психолого-социологических методов (включенного психологического наблюдения, массового опроса, психологического анализа и др.)

Анализ работы Национального центра правовой информации Республики Беларусь показывает, что он не в полной мере выполняет функции по сбору, обработке и учету правовой информации. Например, у ряда республиканских органов (министерства финансов, труда и др.) есть серьезные замечания относительно Эталонного банка данных правовой информации: очень медленная актуализация (часто база содержит указания на то, что документ принят, он есть в Национальном центре правовой информации, но нет в базе; в таких случаях пользователям приходится делать специальный информационный запрос в Национальный центр правовой информации); отсутствие сведений об НПА советского периода; отсутствие систематизированной информации в Эталоне, что затрудняет проведение Центром мероприятий по подготовке Свода законов; очень незначительная классификация; разрыв кодексов на части; наличие пробелов в Эталоне (в значительной степени из-за несовершенной системы взаимодействия Национального центра правовой информации с другими органами).

По мнению С.В. Кузнецова, качество законодотворческого процесса, как и любой системы управления, определяется одним или несколькими «критическими» звеньями, имеющими самые низкие показатели [3, С. 196]. Следовательно, усилия, затраченные на улучшение всех прочих звеньев, обречены на провал – качество работы системы в целом не изменится. Вполне логичным выглядит нахождение и поэтапное улучшение только «критических» и «околокритических» звеньев системы при тщательном слежении за поведением системы в целом.

В сравнительно-правовом плане представляет интерес оценка характеристик правовой информации в глобальном масштабе (на многих языках). Можно привести только несколько цифр. Объем действующего законодательства европейских государств, входящих в Евросоюз, превышает 150 тыс. правовых актов. Распределенная система из 100 тыс. баз данных LEXIS-NEXIS содержит более трех млрд документов, значительная часть которых имеет отношение к национальному праву англоговорящих стран мира. Очевидно, что работать с такими массивами текстов без применения информационных технологий просто невозможно [3, С. 196].

В процессе формирования и установления государством правовых норм (в законотворческом процессе) первостепенное значение имеет полная, актуальная и достоверная информация об общественных отношениях, подлежащих правовому регулированию законотворческой деятельности. Наличие соответствующей психологической, научной, социально-экономической, правовой и иной информации позволяет оптимизировать разрабатываемые правовые нормы по отношению к целям правового регулирования общественных отношений. В современных условиях достижение наибольшей полноты, актуальности и достоверности информации, необходимой для разработки как законопроектов, так проектов НПА, возможно только при использовании информационных ресурсов, основанных на применении новейших психолого-информационных технологий, которые позволяют не только аккумулировать значительные объемы информации, но и осуществлять ее обработку в соответствии с конкретными целями и задачами, как всего законотворческого процесса, так и каждого из его этапов.

Основную роль в информационном обеспечении законотворческого процесса в Республике Беларусь имеет нормативная правовая информация (доступная с применением вышеописанных технологий банков данных правовой информации и интернет-технологий), поскольку процесс подготовки и принятия новых законопро-

ектов, изменения уже существующих не может осуществляться без учета всего массива отечественного законодательства, а также законодательства зарубежных государств и норм международного права. При этом следует отметить, что наличие полной и достоверной информации о законодательстве в электронном виде, а также возможностей ее автоматизированной обработки (в первую очередь поиска) в наибольшей степени позволяет оценить правовую сферу регулируемых общественных отношений, что весьма существенно в законотворческом процессе.

Как известно, при решении задач законотворчества вообще и кодификации законодательства в частности большое значение имеет отлаженная организация справочной психолого-информационной службы, позволяющая быстро и точно ориентироваться в многообразных и часто обширных отраслях законодательства, отбирать и сравнивать правовые нормы по тем или иным признакам, отрабатывать оптимальный вариант нового правового установления и т. д. Весьма эффективным было бы использование для этих целей компьютерных систем, которые в состоянии, во-первых, накапливать и систематизировать по определенным параметрам неограниченный объем законодательной (законотворческой) информации и, во-вторых, выдавать эту информацию по любому признаку или совокупности признаков.

Хранимая и накапливаемая в компьютере информация способна охватить все действующее (и недействующее, если необходимо) белорусское законодательство, в том числе российское и других государств, международное право. Эта информация может быть организована с любой степенью разветвленности и сложности системы признаков (например, информация по странам, предмету или методу регулируемых общественных отношений, формам выражения права, хронологической последовательности издания законодательных актов).

Назначение справочно-информационной службы состоит, как известно, в том, чтобы на конкретный вопрос давался точный и исчерпывающий ответ. Эта сама по себе

простая, хотя и требующая определенных навыков, работа оказывается довольно трудоемкой в тех случаях, когда поиск ответа осуществляется в значительном объеме информационного материала. Именно с этим постоянно приходится сталкиваться депутатам при работе с законодательным материалом.

Компьютеризация справочно-информационной службы основывается на том, что имеется один или несколько признаков того, что нужно узнать. Любой полный ответ повторяет признаки, заданные в вопросе, и добавляет к ним признаки, не содержащиеся в нем, но тем не менее составляющие определенное органическое целое. Таким образом, полный ответ есть не что иное, как совокупность некоторого числа признаков, постоянно между собой связанных.

Из этого следует, что одним из основных направлений развития правовой информатизации законотворческой деятельности государственных органов в Республике Беларусь является разработка и внедрение современных автоматизированных систем, позволяющих не только сосредоточить и организовать информационные ресурсы, необходимые для подготовки законопроектов, но и повысить эффективность и качество разработки последних [5]. Основной задачей почти всех существующих в настоящее время автоматизированных систем, используемых в законотворческой деятельности, является автоматизация процессов поиска требуемой психолого-правовой информации, создания в электронном виде документов, необходимых для принятия (издания) законопроектов (НПА), а также автоматизация процесса собственно создания проектов этих законов, НПА.

Такие системы чаще всего основаны на автоматизации процесса формирования текста проекта НПА при помощи заранее разработанных типовых форм – соответствующих юридических конструкций (шаблонов), например, уже известного читателю текстового процессора Microsoft Word. Актуальной задачей является сочетание этих технологий с технологиями банков данных правовой информации с

целью автоматизации процесса как непосредственно законотворчества, так и последующего накопления и распространения правовой информации.

Стратегически важными в этом направлении можно считать возможности применения интернет-технологий как средства эффективного взаимодействия органов государственной власти, субъектов хозяйствования и граждан при обсуждении законопроектов. Первым шагом к этому в нашей стране можно считать компьютерный банк данных проектов законов, размещенный на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь в Интернете (www.pravo.by), а также имеющиеся на портале системы обратной связи и обсуждения юридических проблем.

Рубрика «Проекты законов» представляет собой единственную возможность легко и просто ознакомиться с текстами проектов законов Республики Беларусь, предоставляя возможность отыскать документы по видам (закон или кодекс), дате регистрации проекта по слову (словосочетанию) в названии и тексте законопроекта.

Кроме того, в ходе осуществления мониторинга законопроектов добывается различная информация: о подготовке и обсуждении законопроектов; их экспертной оценке; вступлении актов в юридическую силу; их применении государственными органами власти. Информация, полученная в результате мониторинга, должна храниться в базах данных и быть доступна каждому специалисту, который участвует в процессе разработки и принятия законопроектов, так как для правильного принятия управленческого решения необходима информация о состоянии объекта управления.

В результате будет получен список законопроектов, для каждого из которых имеется возможность просмотреть его текст, а также получить дополнительные сведения, в частности о стадии рассмотрения. Как и в некоторых других рубриках, с помощью дополнительного меню (правая часть страницы) можно перейти по ссылке на интернет-ресурсы нормотворческих органов.

В ряде стран имеется и опыт трансляции в Интернете открытых заседаний парламента (например, Франция, www.senat.fr).

Здесь же можно отметить и другие компьютерные технологии [6, с. 101–121], которые позволяют автоматизировать обслуживающие процессы деятельности Парламента – от записи выступлений с автоматическим преобразованием в электронный вид выступлений депутатов до систем голосования.

В силу ряда объективных технологических особенностей (анонимность, отсутствие маркеров телесности) виртуальная коммуникация задает для пользователей максимальные возможности в самоопределении и непосредственном самоконструировании. По сути, новые информационные технологии поставили субъекта права (депутата) в позицию эксперимента над самим собой. Представляется, что проблема социализации личности депутата в условиях новой информационной среды предполагает как минимум две основные логические линии анализа: изучение виртуальной среды как нового ресурса развития личности депутата, т. е. влияние новых информационных технологий на законотворческий процесс и законодательство в целом; изучение трансформаций основных законотворческих процессов при условии их протекания в виртуальной среде, т. е. изменение параметров развития личности депутата, взятых исключительно в своей виртуальной представленности.

Стремительное развитие компьютерных средств открывает новые и многообразные перспективы применения компьютерных систем для нужд законотворчества. Сегодня субъекту права (депутату), в том числе всем участникам законотворческого процесса, можно просматривать на экране компьютера введенный в него текст законопроекта, альтернативных законопроектов, проводить их текстовое сравнение, редактировать и обеспечивать единство применяемых в них терминов, снимать противоречия, нечеткость понятий и определений, «вызывать» формулировки ранее принятых законов, сверять их с новым законопроектом, запрашивать всевозможные

справочные материалы, организовывать проведение конкретно-правовых исследований и выявлять общественное мнение по конкретным вопросам правового регулирования соответствующих общественных отношений, распечатывать подготовленный законопроект и многое другое.

Учет, обработка и хранение в памяти компьютера всех ранее разработанных законопроектов, международных договоров и соглашений, разнообразных сведений создают банк данных по законодательству, которым можно будет воспользоваться при подготовке новых законопроектов. В более отдаленной перспективе при наличии подготовленных специалистов можно будет решать с помощью компьютерных систем и многие другие, куда более сложные задачи законотворчества и кодификации законодательства: обнаружение ошибок, повторений, противоречий в действующем законодательстве, его более строгую систематизацию, достижение системной целостности и единства всего законодательства, поиск наиболее рационального и оптимального пути реализации законодательных установлений, определение эффективности действия каждой правовой нормы, каждой статьи закона и законодательной системы в целом.

Научная рефлексия социально-психологических проблем компьютерно-опосредованной коммуникации в законотворчестве еще только начинается. Зарубежные и отечественные исследователи отмечают недостаточную разработанность в Парламенте законотворческих проблем, связанных с влиянием новых информационных технологий на процессы законотворчества и развитие личности депутата.

В современных условиях информационного общества, усиления роли информационной функции государства важность информационной функции мониторинга законопроектов несомненна. Информация, полученная в результате мониторинга, должна храниться в базах данных и быть доступна каждому депутату, специалисту, который участвует в процессе разработки и принятия законопроектов, так как для правильного принятия управленческого

решения необходима информация о состоянии объекта управления. Во многих органах исполнительной власти такие структуры отсутствуют, что затрудняет процесс получения требуемых сведений.

В этой связи следует обратиться к зарубежному опыту. Так, во Франции действует Центр по доступу к административной документации, содержащей не только научно-юридические публикации, но и тексты отчетов, итоговых и проблемных докладов центральных органов. На уровне муниципалитетов действуют дома юстиции и права, сочетающие оказание информационно-консультативных услуг с решением конкретных юридических дел [1, с. 39]. Было бы целесообразно формировать собственные аналитические и мониторинговые службы в Парламенте, которые представляли бы итоги своей работы в виде публичных докладов.

Итак, в ходе рассмотрения применения информационных психотехнологий в законодательстве и путей повышения его эффективности мы пришли к некоторым выводам:

1) применение информационных психотехнологий законодательства позволяет формулировать информационные психолого-правовые ресурсы, которые представляют собой организационную совокупность документированной психолого-правовой информации, включающую базы и банки данных, базы знаний, другие массивы законодательской информации в информационных системах, сформированных в соответствии с принятыми тематическими парламентскими направлениями, для этого надо создать у депутатов разверну-

тое представление о возможностях, состоянии и перспективах использования современных информационных психотехнологий в парламентской (законодательской) деятельности;

2) использование современных информационных технологий в законодательстве представляет собой неотъемлемую составную часть профессиональной парламентской и информационной культуры личности депутата (информационные психотехнологии законодательства можно рассматривать как связующий элемент в разнотипной системе современного научного знания, обеспечивающий подлинный синтез и интеграцию наук);

3) необходимо выделить как самостоятельную функцию информационную функцию мониторинга законов (информационное обеспечение является очень важным для право- и законодательства, начиная с законодательской деятельности и заканчивая подготовкой и принятием корпоративных правовых установлений; психологический мониторинг законов – это важнейший элемент системы психолого-правовой информации, системы правового и психолого-социологического обеспечения законодательской деятельности субъектов права, который свидетельствует о целесообразности и необходимости незамедлительного внедрения информационных и компьютерных систем в процессе законодательства и правореализации в целях совершенствования законодательной системы, укрепления законности и правопорядка в белорусском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2009. 160 с.
2. Социальная психология личности : учеб. пособие для вузов / Е.П. Белинская [и др.]. М. : Аспект-Пресс, 2001. 360 с.
3. Законодательная техника : научно-практическое пособие / авт. коллектив Л.Ф. Апт и др. М. : Городец, 2000. 272 с.
4. Карташов, Н.Н. Технологии нормотворчества (На примере МВД России) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2004. 26 с.
5. Кашинский Ю.И., Сокол С.В., Славин Б.С. Информационные технологии для юристов : учеб. пособие. Минск : БИП-С Плюс, 2005. 268 с.
6. Нашиц А. Правотворчество: теория и законодательная техника. М. : Прогресс, 1974. 256 с.

Е.П. Рябчинская,

кандидат юридических наук, доцент
(Классический частный университет
(г. Запорожье, Украина),
Институт права имени Владимира Сташиса)

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Статья посвящена анализу становления системы наказаний в уголовном праве Украины в периоды его самобытного развития в составе Литовского княжества, а также создания и функционирования Запорожской Сечи и Гетманичины.

Ключевые слов: наказание, виды наказаний, имущественные наказания, смертная казнь, телесные наказания, обычное право

The article is devoted the analysis of becoming of the system of punishments in the criminal law of Ukraine in periods of his original development in composition Lithuanian principality, and also creation and functioning of Zaporozhia Sech and Getmanschina.

Keywords: punishment, types of punishment, property punishment, death penalty, corporal punishment, ordinary right

Исторический метод предполагает изучение становления и развития норм и институтов уголовного права путем изучения законодательства, действующего в соответствующий период. Именно исторический метод способен выяснить вопросы преемственности в уголовном праве, поскольку уголовное право является таким явлением, которое развивается, сохраняя черты прошлого, вбирая в себя настоящее, и проецирует будущее. Принцип историзма требует рассматривать каждый предмет исследования с точки зрения того, как он возник, какие главные вехи своего развития это явление проходило, и с точки зрения развития выяснить, чем он (предмет, явление) является теперь.

Можно в целом согласиться с тем, что в юридической литературе истории развития законодательства Украины, уголовным наказаниям в разные периоды уделялось особое внимание не только в работах по истории уголовного права, а и в работах, посвященных анализу отдельных видов нака-

заний. Допускаем, что последних было даже больше.

Оценивая преимущества и недостатки существующих на сегодня периодизаций развития уголовного права в Украине, ученые считают вполне приемлемым для целей правового, а не исторического исследования выделять периоды его развития в зависимости от основных исторических памятников уголовного права, а именно основных уголовных законов, действующих на территории современной Украины в разные периоды. Такой подход, по их мнению, позволит отобразить основные положения уголовного законодательства, содержащиеся в указанных документах, а с другой стороны, избежать ненужной в юридическом исследовании детализации исторических процессов и событий [1]. Анализ работ, посвященных проблемам уголовного наказания, в которых в той или иной мере затрагивался вопрос периодизации становления и развития уголовного права Украины, позволил выделить собственно те правовые памятники

уголовного права, которые легли в основу указанных исследований. Таковыми являются: 1) Русско-Византийские договоры 860, 907, 911, 944 и 971 годов, Русская Правда как правовые памятники периода существования Киевской Руси; 2) такие источники польского и литовского уголовного законодательства, как Судебник Великого князя Казимира 1468 года и Статуты Великого княжества Литовского (Литовские Статуты 1526, 1566 и 1588 гг.); 3) нормы обычного права периода Запорожской Сечи, которые действовали в период ее существования в рамках Литовско-Русского государства, автономно от польско-литовского законодательства; 4) обычное право, польско-литовское законодательство, магдебургское право, Саксонское зеркало и другие - в период развития Украины в составе России на правах автономии; 5) Судебник 1497 года; 6) Судебник 1550 года; 7) Соборное Уложение 1649 года; 8) Воинский статут Петра I; 9) Императорские указы от 7 и 19 июля 1779 года; 10) Права, по которым судится малороссийский народ, 1743 года периода Гетьманщины; 11) Собрание малороссийских прав 1807 года; 12) Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года; 13) Статут о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года; 14) Венгерское уголовное уложение о преступлениях и проступках 1879 года – как источник уголовного права той части современной Украины, которая пребывала под властью не России, а Австро-Венгрии; 15) Уголовное уложение 1903 года; 16) Уголовный кодекс УССР 1922 года; 17) Уголовный кодекс УССР 1927 года; 18) Уголовный кодекс УССР (Украины) 1960 года [2, 3].

Длительное время история развития уголовного права Украины неразрывно связывалась с историей развития уголовного права России. И такое положение вещей было вполне понятно и оправдано. Поскольку, даже предлагая периодизацию развития уголовного права Украины (в частности и ее уголовно-правовой политики), правоведы формировали ее по такому критерию, как развитие государственности.

Украинский ученый Н.И. Хавронюк своим исследованием истории развития уголовного права государств континентальной Европы демонстрирует, что Украина всегда, еще со времен существования ее в формате Киевской Руси как первого Украинского государства, была европейским государством, а потому основные тенденции развития украинского права, в т.ч. уголовного, по мнению ученого, совпадают с тенденциями развития права континентальной Европы. Анализ развития уголовного права Украины он осуществлял по таким периодам развития государства и права, как: 1) период до Киевской Руси (праславянское общество 5-9 века), который сложился во времена “военной демократии” 5-7 ст. (взяв за основу исследования Правду и Закон Русский, фактически это было обычное право); 2) Киевская Русь (9-13 столетия), правовыми источниками служили обычное право, договоры Руси с греками X ст., Русская Правда в ранней редакции (IX ст.), короткой и пространной редакциях [5], Статуты св. Владимира (Оленинская ред. XII ст., Синодальная редакция XIII ст.), Ярослава [6] и других князей; 3) в составе Литовского княжества, на территории которого действовали Литовские Статуты 1529, 1566 и 1588 годов (с XV ст.); 4) создание и функционирование Запорожской Сечи [7] (правовыми источниками стало обычное право и отдельные писанные законы [8]; 5) Гетманщина; 6) влияние уголовного законодательства России, которое, в свою очередь, формировалось в границах романо-германской правовой семьи с учетом уголовного законодательства “таких ярких ее представителей, как Франция, Италия, Германия, Австрия, Швеция” [9].

Н.И. Хавронюк указывает, что вместе эти правовые памятники создали в целом своеобразное старорусское право, которое, к сожалению, в силу определенных исторических условий не стало фактором развития и источником общеукраинского права, поскольку короткая редакция Русской Правды была открыта и опубликована только в 1738 г., Пространная редакция – в 1788 г., а серьезные исследования всех их

известных списков были осуществлены лишь в XIX-XX веках, потому уже не могли повлиять на украинское право [10]. Наверное, именно поэтому профессор Н.И. Коржанский, оценивая развитие украинского уголовного права, отмечал, что “история уголовного законодательства Украины очень бедна, ее практически нет” [11]. Объяснение этому выводу может быть только одно: правоведы однозначно связывают становление и развитие уголовного права Украины с развитием ее государственности.

Обращение к приведенной выше периодизации развития уголовного права Украины показывает, что, имея общие корни становления уголовного права с Россией (начиная отсчет со времен Русской Правды), довольно длительное время уголовное право Украины развивалось ответвленно от права российского, что было обусловлено историческими аспектами развития государственности в Украине. Таким образом, до момента, когда правовая система Украины, в том числе и уголовное право, снова стало развиваться под влиянием права российского, оно прошло самобытное развитие в периоды существования Украины в составе Литовского княжества, на территории которого действовали Литовские Статуты 1529, 1566 и 1588 годов (с XV ст.), во времена создания и функционирования Запорожской Сечи и Гетманщины. Именно правовые памятники этих периодов развития украинского уголовного права мы и рассмотрим.

Анализ таких правовых памятников, как Литовские Статуты в редакциях 1529, 1566 и 1588 годов, дают представление о развитии системы наказаний в период ликвидации государственности Украины и нахождения ее под властью Речи Посполитой (вторая половина XVI – первая половина XVII века), да и более позднего периода, поскольку последний из Литовских Статутов действовал на украинских землях вплоть до 1840 года. Литовский Статут является правовым памятником переходной эпохи в развитии уголовного права и поэтому содержит незначительное количество устоявшихся понятий. Украинские уче-

ные, оценивая позиции и значение действия Статутов Великого княжества литовского на формирование уголовно-правовой политики украинского государства, хотя бы сначала в составе княжества, а позже – Речи Посполитой, указывают, что законодательство этого периода уделяло значительное внимание вопросам преступления и наказания, предусматривалась разработанная система наказаний, которая, в отличие от закрепленной в нормативных актах Киевской Руси-Украины, знала большее количество жестоких и мученических страданий.

По решению Переяславской рады от 18 января 1654 г. значительная часть Украины – Левобережье и Киев вошли в состав России на правах широкой автономии. Поскольку на территорию Украины не распространялось действие российского права, там оставались действительными так называемые “предыдущие” (старые) права, а именно обычное право, польско-литовское законодательство и магдебургское право. В подтверждение этого 27 марта 1654 г. Жалованной грамотой московского царя Алексея Михайловича было установлено, чтоб Малороссия управлялась и судилась по своим стародавним правилам и законам. И хотя широкомасштабного внедрения российского законодательства на украинских землях не было, однако определенная интервенция осуществлялась через распространение актов общероссийского значения. Так, украинский ученый О. Гуржий утверждает, что для судопроизводства Гетманщины имели значение Петровские указы по вопросам уголовного права от 12 и 19 ноября 1721 г. [12]

В литературе справедливо отмечается, что изучение украинского права второй половины XVII в. заслуживает особенного внимания, поскольку именно на этот период выпадает процесс становления национальной государственно-правовой системы Украины [13]. В научной среде неоднозначно решается вопрос о степени разработанности этого периода, поскольку одни ученые склонны считать ее достаточно полной [14], другие, напротив, считают, что это не так. Ссылаются при этом на не-

достаточную проработку и оценку исследователями, в частности, гетманских универсалов (универсалы гетмана Богдана Хмельницкого), как важного правового источника, который позволяет проанализировать процесс формирования уголовного права Украинского государства в середине XVII века. Самобытность универсалов видят в том, что в них нет ни одной ссылки на Литовские Статуты – основной источник уголовного права польско-литовского периода [15], так как они опираются на такие правовые источники Украинского государства, как: Зборовские статьи 1649 г. и привилегии польских королей, с 1654 года – Переяславско-Московские статьи и царские грамоты, Артикулы (статьи) Войска Запорожского 1648 г., казацкие военные обычаи и постановления старшинских рад [16].

Исследователи указывают следующие характерные особенности наказаний, которые упоминаются в этих документах: около четверти универсалов предусматривали смертную казнь – “на горле карати”, “жестоко казнити”, “шибеницею карати”; смертная казнь применялась, как правило, к крестьянам, простым казаками и казацкой старшине; такой вид наказания, как штраф, встречается очень редко, исключительно в случаях причинения потерпевшему материального ущерба; есть упоминания о тюремном аресте, который преимущественно использовался не как наказание, а как досудебный арест; встречается и конфискация имущества преступника – “и свое потеряешь и головою своею приплатишь” [17]. Таким образом, видно, что универсалы не указывали четко конкретный вид и меру наказания.

Особое место среди источников уголовного права занимают украинские казацкие обычаи. Запорожское казачество не признавало Литовские Статуты, а руководствовалось «здоровым глуздом» [18]. Неприятие запорожцами писаных законов, практически отсутствие таковых, объясняется их нежеланием отходить от идей свободной жизни. В свое время Д. Яворницкий говорил, что резкое противоречие между Запорожьем и Малоросси-

ей, с одной стороны, и Великороссией – с другой, в наибольшей мере стало проявляться во второй половине XVII века. В течение всего этого времени в Московском государстве происходит сильное развитие идей государственности; в Запорожье и Малороссии в это же время в наибольшей мере проявляется стремление к сохранению исконных прав и вольностей, а через них и к сохранению индивидуальности народа. [19]

Соблюдение обычаев и требований общественной жизни казачества гарантировалось неотвратимостью ответственности в виде сурового наказания [20], что было обусловлено особенностями существования общественной жизни казаков. Суровость системы наказаний, действующей на Сечи, объясняется, во-первых, тем, что среди вновь прибывших на Запорожскую Сечь были люди сомнительной моральности; во-вторых, тем, что войско жило без женщин и не находилось под их смягчающим влиянием на обычаи; в - третьих, казаки вели постоянную войну и потому для поддержания порядка в войске требовались особенно суровые меры реагирования [21]. Именно из-за неприятия писаных законов, редкого документирования исторических фактов и событий обычное право запорожцев остается недостаточно исследованным. Те же исследователи, которые искали феномен казацкого права, рассматривали в комплексе с другими и нормы, регулирующие порядок и условия выбора вида и размера наказаний, отмечают, что в зависимости от характера преступлений назначались разнообразные наказания. Популярным (распространенным), к примеру, было избивание (либо забивание) киями возле позорного столба [22] лиц, которые совершили конокрадство, ограбление купцов, нарушителей воинской дисциплины. Имущество погибшего на таком столбе передавалось в общее пользование. Смертная казнь в Запорожской Сечи происходила в виде отрубания головы, расстрела или повешения. Смертная казнь через повешение на виселице или подвешивание на железном крюке были заимствованы у немцев или поляков, а также бы-

ли и в санкциях Литовского Статута 1588 года [23]. Иногда применялась смертная казнь через насаживание на кол или закапывание живым в землю.

Вместе с физическим наказанием применялось и психологическое давление на преступника, благодаря чему достигалась цель специальной превенции. Применялись наказания, направленные на ограничение казацких вольностей, например, запрет занимать выборные казацкие должности. Исследователи акцентируют внимание на особенностях исполнения наказаний на Сечи: например, чтобы не “замарать” руки достойным лицам, проведение казни возлагалось на другого приговоренного к смерти. В отдельных случаях суд отлагал исполнение приговора до того времени, пока в тюрьму не попадал новый приговоренный к смерти.

Считалось, что пробуждение достоинства преступника является надежной преградой совершения им новых преступлений. Определенная жестокость уголовно-правовых норм обычного права на Сечи в целом не отпугивала людей, наоборот, их быт и обычаи распространялись на другие регионы страны [24]. Исследования истории казаков позволяют говорить, что телесные наказания применялись в основном за имущественные, экономические проступки, а смертная казнь – за совершение преступлений против личности [25]. Следует отметить, что не все историки единодушны во мнении о сугубо обычном характере казацкого права, в особенности о сформированной системе наказаний, которая была достаточно развитой и достаточно строгой. В связи с чем предполагают, что в основе становления и развития правовой жизни украинского казачества лежало как обычное, так и писаное (законодательно оформленное) право [26].

Характерными признаками уголовного права казаков считаются: широкое применение смертной казни и телесных наказаний; корпоративность (сословность); публичный характер; консерватизм; публичность применения наказаний. При этом калечащие наказания практически не применялись, поскольку калека не мог слу-

жить в войске [27]. На практике имели место случаи замены наказаний. Так, законченную по приговору суда женщину по ходатайству ее родственников и с высочайшего повеления миловали, заменяя это наказание. Таких случаев хотя и было немало, однако, указывают исследователи, они противоречили писаным нормам, предписывающим необходимость закапывания в землю женщин за убийство своих мужей.

Исследователи отмечают, что разные правовые нормы, действующие в тот период в Украине, часто противоречили друг другу. Нормы местного обычного права могли противоречить нормам Литовского Статута 1588 года, а те, в свою очередь, – магдебургскому праву, возникшему еще в XIII ст. и действовавшему в украинских так называемых привилегированных городах [28]. Это, в свою очередь, давало судебным органам Украины возможность по схожим делам выносить разные решения в зависимости от того, на какой источник они ссылались, и приводило к разного рода злоупотреблениям в судах. По мнению В. Кульчицкого, именно эти факторы, а также желание распространить на украинских землях действие общероссийского законодательства и стали причинами издания царского указа от 28 августа 1728 года о созыве кодификационной комиссии для составления проекта единого свода законов, который бы действовал на Украине [29]. Данный документ должен был бы регулировать важнейшие государственные и общественные отношения, позволил бы реорганизовать судоустройство и сбалансировать общественно-политическую жизнь Украины в качестве автономной единицы России. Документ, подготовленный в результате пятнадцатилетнего труда, именуемый “Права, по которым судится малороссийский народ”, оказался несколько запоздалым, поскольку Сенат уже подготовил планы “захвата” Гетманской Украины законами Российской империи [30].

Несмотря на то, что кодекс так и не вступил в действие, он высоко оценивается и современниками. Ученые полагают, что “по форме и внутренней структуре он от-

личается от всех других источников, которыми пользовалась комиссия [31], а также от Соборного уложения 1648 г. и других памятников права России, действовавших на тот период.

Уголовное право в соответствии с этим документом имело частноправовой характер, поскольку преследование лиц, совершивших преступление, в том числе и тяжкое, было, в основном, частным делом. Выбор наказания зависел от воли потерпевшего, а при его отсутствии – от воли его родственников. Были предусмотрены такие виды наказаний, как: смертная казнь, имевшая квалифицированные (четвертование, утопление, колесование, сожжение, закапывание живым в землю) и простые (повешение, отрубание головы) виды, калечащие и мучительные наказания, тюремное заточение, лишение чести (шельмование), изгнание, отстранение от должности, имущественные наказания (конфискация и выкуп), церковные наказания, среди которых самым распространенным было помещение в так называемую купу (железный обруч, которым охватывалась шея осужденного или его правая рука, которые приковывались к внешней стене церкви или колокольни) и заточение в монастырь, принудительная женитьба (при изнасиловании девушек), выговор [32]. С целью устрашения наказания, как правило, исполнялись публично [33].

На тот период времени сложилась парадоксальная ситуация, поскольку, несмотря на то, что сам документ так и не вступил в действие, его нормы реально действовали в жизни, ими на практике руководствовались суды, до первой половины XIX века, когда была установлена единая правовая система Российской империи и было покончено с правовой автономией Гетманщины [34]. Объясняется это тем, что нормы, положенные в основу «Прав, по которым судится малороссийский народ», фактически действовали в Украине. Основная их масса была симбиозом норм, содержащихся в таких действовавших правовых памятниках того периода общественной и правовой жизни Гетманской Украины, как: Литовский Статут 1588 года, Магдебург-

ское право, Саксонское Зерцало и обычное право. В частности, одним из таких источников стало Хелменское право, состоящее из 5 книг, одна из которых была посвящена уголовному праву [35].

1 мая 1846 г. на территории Украины начинает действовать один из основных источников уголовного права общероссийского масштаба: Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Таким образом, система наказаний формировалась на протяжении истории развития уголовного права, всегда и повсеместно отображала господствующие (доминирующие) сначала в роду, общине, сообществе, позднее в государстве, взгляды и воззрения на правовую природу и характер отношений между преступником и обществом, сущность и цель наказания, пределы карательной деятельности государства и др. Исследование ее становления и формирования не ограничивается рассмотрением только лишь правовых памятников, соответствующего законодательства, действовавшего в тот или иной период развития государства. Система наказаний, сформированная в рамках какого-либо правового документа, тем не менее, является отражением и воплощением правовых обычаев, идей, воззрений, которые, в свою очередь, определяют и государственную уголовно-правовую политику. Более того, уже давно признано, что применение карательных мер принадлежит к числу древнейших социальных практик, которые издавна и повсеместно использовались на всех исторических этапах развития цивилизации, а интенсивность самих наказаний зависит от уровня цивилизованности общества.[36] Поэтому мы разделяем мнение профессора П.Л. Фриса, что рассматривать историю уголовно-правовой политики Украины, которая на протяжении столетий была лишена государственной независимости, лишь через призму истории уголовного права невозможно. Это, по его мнению, следует осуществлять и в контексте развития уголовно-правовых идей украинских мыслителей, путем анализа проектов нормативных документов, которые были разработаны, хотя и не внедрены в практи-

ку, трудов украинских ученых-правоведов [37].

Таким образом, анализ правовых памятников и правовых обычаев, действующих на территории Украины-Гетманщины, позволяет говорить о том, что система наказаний не отличалась особой жестокостью. Следует согласиться с учеными, которые считают, что во время господства феодально-абсолютистского строя и первых буржуазных революций публичная квалифицированная смертная казнь в странах Европы была обычным явлением и осуществлялась преимущественно с целью устрашения. Подобная ситуация не была характерной для уголовно-правовых норм, действующих на территории Украины.

Уголовное право Украины, развиваясь в общеевропейском контексте и правовой традиции, вместе с тем имело национальные особенности. В процессе создания уголовно-правовых норм гетман и генеральное правительство ориентировались на украинские казацкие обычаи и традиции и стремились минимизировать влияние литовско-польского права, в том числе и в вопросах применения жестоких и мучительных наказаний, если они не вызваны крайней необходимостью. Отдельные виды жестоких наказаний, применяемых на Запорожской и других Сечах, были обусловлены особенностями существования общественной жизни казаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попрас В.О. Штраф як вид покарання за кримінальним правом України: монографія. Харьков: Право, 2009. С.11.
2. Ковтун Н.Я. Види додаткових покарань для неповнолітніх : монографія. К.: Ін Юре, 2011. С. 11-24.
3. Денисова Т.А. Філей Ю.В. Кримінально-правові санкції та їх застосування за злочини проти власності: монографія. Киев: Центр учбової літератури, 2008. С. 17.
4. Хавронюк М.І. Історія кримінального права європейських країн : монографія. Киев : Істина, 2006. С. 59.
5. Источниками которой считают обычное право, законодательные постановления русских князей, судебные приговоры князей по конкретным делам в форме прецедентов, а также выводы духовенства и частные компеяції (посібники). См. Ключевский В. Русская история: Полный курс лекцій. Т.1. М., 2002. С.199-201.
6. Автор, ссылаясь на труды историков, говорит, что эти два статута - кодексы церковного судебного права – действовали на территории Украины вплоть до XVIII ст. , а Русская Правда – до середины XV ст. См. : Захарченко П.П. Історія держави та права України: Підручник. Киев, 2004. С.31,93.
7. Начало польского гнета во времена действия Люблинской унии, по которой в 1569 году украинские земли, находящиеся в составе Литовского княжества, отошли к Польше. См.: Ключевский В. Русская история: Полный курс лекцій. Т.1. М., 2002. С.274-277, 377.
8. Пакти і Конституції законів та вольностей Війська Запорізького. Див. : хрестоматія з історії держави і права України. Т.1. С.196-201.
9. Хавронюк М.І. Указ.раб. С. 72.
10. Там же. С. 70.
11. Коржанський М.Й. Кримінальне право і законодавство України. Частина Загальна: Курс лекцій. Киев: Атіка, 2001. С.52.
12. Гуржій О.І. Право в українській козацькій державі (друга половина XVII–XVIII ст.). Киев : Ін-т історії України АН України, 1994. 48 с.
13. Козаченко А. Злочини і покарання в Україні Гетьманщині за універсалами Богдана Хмельницького (1648-1657 роки) // Вісник Академії правових наук України. №4 (35). С.121.
14. Хавронюк М.І. Указ.раб. С. 72.
15. Козаченко А. Указ.раб. С.121.

16. Універсали Богдана Хмельницького . 1648-1657 /упорядники І. Крип'якевич, І. Бутич, ред. кол. В.Смолій та ін. Київ, 1998. №30. С.98; №31. С.99; №36. С.106.; №39. С.110; №41. С.111, №73. С.141-142; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.1. №119. С.322-329;
17. Козаченко А. Указ.раб. С. 124-125.
18. Здравым смыслом
19. Яворницький Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1991. Т.3. С.234.
20. Кудін С. Правові традиції Запорозької Січі // Закон і бізнес. 1999. 26 червня . № 26.
21. Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків. У 3-х томах. Т.1/пер. з рос. І.І. Сварника; упоряд. О.М. Апанович. Львів: Світ, 1990.С.50.
22. Грозовський І. Звичаєве право Запорозької Січі // Рад. право. 1991. № 10. С. 58–60; Он же. Козацьке право // Право України. 1997. № 6. С. 78–80; Он же. Феномен козацького права // Вісник АПрНУ України. 1997. № 3(10). С. 121–130.
23. Грозовський І.М. Феномен козацького права // Вісник АПрНУ. 1997. №3(10). С.121-130.
24. Гуржій О.І. Указ.раб.
25. Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків (у трьох томах). З російської переклав Іван Сварник.– Львів: Світ, 1990; Київ: Наукова думка, 1991; Козацькі Січі (нариси з історії українського козацтва XVI-XIX ст.). Київ:Запоріжжя, 1998.
26. Ластовський В. Історико-краєзнавчі дослідження пам'яток пізнього Середньовіччя// URL: <http://www.kozakbiblio.web-box.ru/naukovo-doslidnij-centr-chasi-kozack/vipusk-14/>
27. Денисова Т.А. Філей Ю.В. Указ.раб. С. 18.
28. Исследование истории становления и развития магдебургского права на территории Украины свидетельствует о том, что оно распространялось не только на города, но и на села, где могли действовать сельские суды, имевшие разную компетенцию. См.: Кобилецкий М. Суд і судочинство у селах німецького (магдебурзького) права Галичини (у XIV-XVIII ст.) // Підприємництво, господарство і право. 2003. №7. С.133-137.
29. Кульчицький В. Кодекс Українського права 1743 р. // Право України. 1994. №9. С. 28-29.
- 30.Лакизюк В.П. Полкові суди козацької доби та Гетьманської України (XVI-XVIII) // Вісник Верховного Суду України. 2006. №3 (67). С. 39.
31. Кроме обычного права, это были такие правовые источники, как Литовский Статут 1588 года и Саксонское зеркало. См.: Єремєєв І.С. Герби Гетьмана України. Київ, 1998. С.49.
32. Падох Я. Нарис історії українського права. Мюнхен, 1951. С. 88-108.
33. Кульчицький В. Указ.раб. С.29.
34. Там само.
35. Яковлів А. Український кодекс 1743 року “Права, за якими судиться малоросійський народ”. Мюнхен, 1949. С.41-42, 68.
36. Бачинин В.А. Философия права и преступление. Харьков: Фолио, 1999. С. 527.
37. Фріс П.Л. Кримінально-правова політика Української держави: теоретичні, історичні та правові проблеми. К.: Атіка, 2005. С. 64.

